

А.В. Востров

**ТВОРЧЕСТВО Э. СЁДЕРГРАН И Г. ПАРЛАНДА:
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ
ИЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ
ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?**

Статья рассматривает творчество Эдит Сёдергран и Генри Парланда с точки зрения транснационального и многонационального явления финляндской литературы на шведском языке. Во введении представлен краткий обзор шведоязычной финской литературы, роли модернистов 1910–1920-х годов в ее развитии. В основном разделе перечисляются важные жизненные вехи обоих авторов; их географическая локализация, связи с финской, немецкой и русской культурами, непосредственно повлиявшими на их произведения. В заключительных разделах статьи анализируются четыре критерия принадлежности к этническим меньшинствам в контексте творчества авторов, роль шведского языка как основного языка их произведений; рассматривается диалог «своего» и «чужого» в пространстве литературы национального меньшинства.

Ключевые слова: Эдит Сёдергран, Генри Парланд, шведоязычная финская литература, модернизм.

A. V. Vostrov

**CREATIONS OF EDITH SÖDERGRAN AND HENRY PARLAND:
TRANSNATIONAL OR MULTINATIONAL PHENOMENON
OF THE LITERATURE OF FINLAND?**

The article deals with creations of Edith Södergran and Henry Parland from the point of a transnational and multinational phenomenon of the literature of Finland in the Swedish language. The introduction gives a brief overview of the Swedish-language literature of Finland and shows the role of modernists of the 1910–20s in its development. The main part describes life milestones of both writers, their geographical localization, connections with Finnish, German and Russian cultures which have a direct influence on their works. The final part analyses four criteria of belonging to ethnic minorities in the context of writers' creations, and the role of Swedish as the main language of their works. It also considers the dialogue between *the own* and *the alien* in the space of national minority literature.

Keywords: Edith Södergran, Henry Parland, Finland-Swedish literature, modernism.

*«Где моя родина?
 Может быть, дальняя, в звездах, Финляндия?
 Мне все равно...»*

Эдит Сёдергран

«Что же есть я? — То, что есть».

Генри Парланд

Финляндская литература на шведском языке — явление, рожденное исторической и языковой необходимостью на пересечении финляндско-шведских путей. Затененное обретением национальной независимости в 1917 г. и войнами первой половины XX в., оно со временем превратилось в своеобразное культурное пространство, лишь частично соприкасающееся с финноязычной литературой.

Можно смело утверждать, что финноязычная литература ведет родословную из шведоязычных стихотворений Й.Л. Рунеберга и карело-финского эпоса «Калевала» Э. Лённрота. Только во второй половине XIX в. она начала обособляться — до этого превосходство шведоязычной литературы было неоспоримым. Это было обусловлено исторической ролью шведского языка, ставшего языком администрации, аристократии и культуры еще в позднее Средневековье; на финском языке говорили «на кухнях и в деревнях».

В конце XIX — начале XX в. финская литература окончательно «расслоилась» на шведоязычную — аристократическую, более интеллектуальную и, казалось, ветшающую — и финноязычную — модную, всесловную и бурную. Дальше они пошли разными путями: одна — по психологически тонкой стезе Эдит Сёдергран и Туве Янссон; другая — по самопознавательному пути Алексиса Киви и Эйно Лейно, подстегивающему национальное чувство (представленное тесной связью с разговорным языком)¹.

Поэзия всегда являлась отличительной чертой (и даже изюминкой) шведоязычной литературы Финляндии. Такая литературная традиция сформировалась во многом благодаря модернистам 1910–1920 гг., которые внесли значительный вклад в финляндскую шведоязычную литературу. Эдит Сёдергран, Гуннар Бьёрлинг, Элмер Диктониус, Раббе Энкель, Хагар Ульссон и Генри Парланд стали членами новой авангардной школы, которые смело экспериментировали с новыми идеями и стилистическими средствами.

Литературный альманах *Quosego*, который издавался в 1928–1929 гг. издательским домом *Söderströms* в Хельсинки, стал главным средством

выражения идей модернистов, полемизировавших с «деревенским романтизмом». Он привлекал молодых писателей, которых не устраивали эстетическая усталость предыдущего поколения, исчерпанность форм реалистического повествования, а романтический идеал «искусства ради искусства» был неоспорим.

Модернисты так и не образовали сплоченную группу, однако их «выход на сцену» был достаточно ранним, что предопределило тесное соседство в том числе и с русской литературой. Например, Эдит Сёдергран и Генри Парланд, имея русские культурные корни, не могли не попасть под влияние русских литературных течений своего времени — в первую очередь символизма и футуризма. Сёдергран предпочитала А. Ахматову, К. Бальмонта и И. Северянина; Парланд зачитывался В. Маяковским, а в своих критических статьях развивал положения символизма А. Белого.

Недостаточный интерес зарубежных литературоведов к творчеству финляндско-шведских модернистов долгое время объяснялся кажущейся незначительностью их влияния как на национальную литературу, так и на общеевропейский процесс. Но пример последних двух десятилетий в какой-то степени опровергает это мнение: роман Генри Парланда особенно тепло встречен в Германии (также он переведен на французский, русский и английский языки); поэзия Эдит Сёдергран постоянно переиздается в Финляндии, Скандинавии (в первую очередь в Швеции) и России (на данный момент вышло четыре издания). Тем не менее созданные модернистами произведения полностью не вписываются ни в финскую, к которой они номинально относятся, ни в родственную по языку шведскую литературу, вместе с тем сохраняя возможности для сближения².

1

Главная фигура среди модернистов — бесспорно, Эдит Сёдергран (1892–1923). Финляндка, говорившая по-шведски, родилась на Выборгской стороне имперского Санкт-Петербурга и училась в немецкой гимназии Петришule на Невском проспекте. Семья Сёдергран, как и многие их соотечественники, полностью не вписалась в социальное полотно многонационального Петербурга: шведоговорящие финны (отец — иммигрант первого поколения, мать — второго) оказались на стыке нескольких культур, и им был уготован лишь узкий круг общения. Это происходило несмотря на солидный финансовый достаток, исчезнувший только в водовороте 1917 г. На финском Карельском перешейке, в деревне Райвола³, где поначалу Эдит

проводила летние каникулы, а после возвращения в 1914 г. (начало Первой мировой войны!) из швейцарского санатория в Давосе прожила оставшуюся часть жизни, чаще слышалась финская речь, в летний дачный сезон значительно дополняемая русской. И всего лишь несколько человек говорили в Райвола по-шведски.

Изначально писавшая на нескольких языках (большинство ранних стихов создано по-немецки, остальные — по-шведски, и совсем немного — по-французски и по-русски), она бережно внесла верлибр в финскую литературу: «Что мое стихотворчество — поэзия, никто не может отрицать, но что это стихи, я и сама утверждать не хочу <...> силой слова и образа я обладаю лишь при полной их свободе, то есть с ущербом для ритма»⁴. За очень короткую жизнь она стала классиком скандинавской поэзии, подняла финляндскую поэзию на новый качественный уровень.

Ее гордое и нежное одиночество в двойственном Петербурге⁵ — то любимом, то отрицаемом; в революционном Петрограде, который она не приняла, несмотря на увлечение революцией; в круговерти гражданской войны, прошедшей по ее родной Райволе вдоль и поперек — медленно растворилось в мареве туберкулеза. Ее шведский язык⁶ никак не сочетался с финским или русским, которые она слышала вокруг, но ее произведения помимо воли многих современников встроились в финскую и шведскую литературу.

Культурная изоляция вместе с короткой, разрушенной войной любовью (ее избранник уехал на фронт в 1915 г. и не вернулся), унаследованный от отца туберкулез — все это не могло не сказаться на творчестве Сёдергран, замкнутом на внутреннем мире автора. «Я не знаю, кому я несу свои песни, я не знаю, на каком языке я буду завтра писать»⁷, — отмечала Эдит в своем дневнике. Но все свои основные произведения она все-таки написала по-шведски, который в школе практически не изучала. Кроме того, Сёдергран работала над переводами антологии шведоязычной финляндской поэзии на немецкий язык, а восхищавших ее И. Северянина и К. Бальмонта — на шведский.

Непонимание сложившихся литературных кругов Финляндии как будто испытывало ее. Выход первого сборника «Стихотворения» (1916) Сёдергран, который представил новый авангардный голос в литературе, остался практически незамеченным критикой. Второй сборник «Сентябрьская лира» (1918), который был инспирирован теориями Ницше (недолго привлекавших Сёдергран) и в котором она постаралась отойти от реалий окружающего мира, наполненного кровавыми событиями, многими критиками

был встречен негативно — его даже называли «сумасшедшим»⁸. Вопреки неприятию современников, два последних прижизненных сборника стихотворений «Алтарь роз» (1919) и «Тень грядущего» (1920) стали вершиной творчества Сёдергран.

Впечатленные ими, группа молодых финских писателей провозгласила Сёдергран главой поэтического модернизма. Это вдохновило Эдит на последний сборник, подготовленный после ее смерти Элмером Диктониусом и Хагар Ульссон⁹. Он получил название «Страна, которой нет» (1925) — по названию последнего стихотворения. Название символично: в вихре революционных событий исчезали страны и границы, менялись люди, языки, идентичности... Но и само творчество Сёдергран не имеет ярко выраженных границ — оно равно относится к финской и шведской литературе, сохраняя при этом русские и немецкие корни.

2

Генри Парланд (1908–1930) появился на литературной сцене несколько позднее, чем Эдит Сёдергран. Перед этим он преодолел тернистый путь к главному языку своего творчества: лишь в 14 лет он начал изучать шведский язык в Выборгской гимназии. Сын инженера Освальда Парланда, представителя известного англо-немецкого рода, и прибалтийской немки Марии Сеземан оставил в широкой семейной родословной¹⁰ и свой след, накрепко связав свое имя с финской шведоязычной литературой.

Его родители выросли в Санкт-Петербурге, поэтому дома говорили на двух языках — немецком и русском. Однако к моменту рождения Генри семья оказалась в финноязычном Выборге, в котором по традиции также звучали шведский, русский и немецкий языки. Мальчик сначала учился в финноязычной школе (там он не прижился), затем перешел в шведоязычную, в которой и освоил язык. Именно поэзия на шведском (хотя несколько стихотворений Генри написал по-русски) сблизила Парланда с Г. Бьёрлингом, Э. Диктониусом и Р. Энкелем, признавшими исключительное дарование молодого человека и объявившими Генри своей надеждой на будущее¹¹.

Его взросление совпало с крупнейшими социальными потрясениями: Первой мировой войной; революциями 1917 г.; короткой, но кровопролитной гражданской войной 1918 г. в Финляндии, которая значительно затронула Виипури-Выборг. Неумолимая череда событий привела к тому, что Парланды оказались в независимой стране с закрытой восточной границей (Петербург–Петроград стал недоступным), где все проявления русского

воспринимались большинством финнов очень болезненно. Шведский язык также находился под давлением ввиду активного роста национального — финноязычного — самосознания, что не могло не сказываться на социальном окружении молодого человека.

Однако все это мало повлияло на его политическую ангажированность: Генри остался в стороне от событий, интересуясь лишь их влиянием на развитие литературы и искусства. Такая позиция, практически не связанная с быстро меняющимися в те годы государственными границами, подчеркивала его собственное движение между культурами, на эти границы почти не опиравшимися.

Парланд, хорошо разбиравшийся в новейших течениях модернизма и увлекавшийся русским футуризмом, привнес формализм и семиотическую концепцию в финляндскую поэзию. Но при его жизни вышел лишь один сборник стихотворений «Распродажа идеалов» (1929) — больше он не успел из-за скоропостижной смерти. Параллельно со стихами Генри занимался публицистикой: его статьи и эссе поднимали разнообразные темы (от литературной критики до кинематографа и автомобилей) и публиковались в Финляндии, Германии, Франции, Литве.

Своеобразное творчество Парланда, пронизанное силой образов и экспрессией, в последнее десятилетие открывается заново: например, незаконченный роман «Вдребезги» в 2007 г. в рейтинге лучших книг года в Германии занял пятое место¹². Также вышли переводы на английский, французский и русский языки. «Я чужак везде, куда бы ни приезжал», — писал Генри 1930 г., будто резюмируя свое творчество.

3

Э. Сёдергран и Г. Парланд, исходя из основного языка творчества, являются представителями литературы шведоязычного меньшинства. Однако они сумели преодолеть ее ограниченность (замкнутый ареал шведоязычного архипелага!) в плане значимости и смысла, добравшись не только до финского, но и до шведского, русского, немецкого берегов. Это можно считать исключительным явлением: подавляющее большинство шведоязычных финских писателей послереволюционных поколений оставались лишь представителями указанного архипелага (еще одно яркое исключение — Туве Янссон).

Группа сравнительных социологических исследований Хельсинкского университета в ходе комплексного исследования выявила четыре основ-

ных критерия этнических меньшинств: *самоидентификация, происхождение*, четко выраженные *культурные характеристики* (в первую очередь общий язык) и *наличие социальной организации*, позволяющей взаимодействовать как внутри меньшинства, так и с другими группами населения¹³.

Самоидентификация, являющаяся одним из основных критериев для представителя этнического меньшинства, в случае с Эдит Сёдергран и Генри Парландом, пожалуй, не играет существенной роли. Оба писателя полностью не отождествляли себя с Финляндией, имели широкий культурный шлейф — в первую очередь русский и немецкий, то есть мультикультурную идентичность. Они сознавали себя частью финляндской шведоязычной литературы, но эту связь нельзя назвать определяющей. Тем не менее, их ситуация представляется различной.

Райвола Сёдергран до революции была всего лишь дачным поселком близ столичного Петербурга–Петрограда, где активно пересекались финский и русский языки. После окончания гражданской войны 1918 г. она выглядела изолированным островком, едва связанным со столицей нового финского государства: неудивительно, что литературное общество не было готово к произведениям далекого во всех отношениях автора. Петроград после революции стал для поэта недостижим: и в географическом, и в идеологическом плане. В указанном мультикультурном контексте нужно еще учесть, что Сёдергран почти три года провела в санатории швейцарского Давоса, где активно контактировали различные культуры и имелась большая библиотека.

Выборг Парланда, напротив, являлся одним из крупнейших финских городов того времени, культурная традиция которого была крепко связана с русским, шведским и немецким языками. И даже окончательное закрытие границы с Советской Россией не так сильно повлияло на молодого Генри: его семья использовала дома русский и немецкий языки, а позже переехала ближе к Хельсинки, то есть к столичным литературным кругам. Ему, в отличие от Сёдергран, не пришлось торить себе дорогу к признанию: большинство модернистов сразу встретили его тепло.

Происхождение и наличие социальной организации также не может служить основными критериями для анализа творчества обоих авторов. Сёдергран, являясь потомком финляндских иммигрантов, провела большую часть жизни в Петербурге или вблизи от него. Она получила образование в самой престижной немецкой гимназии российской столицы, однако круг общения ее семьи включал в основном шведоязычных финляндцев. Ее поездки в Хельсинки были единичными, и лишь переписку с Хагар Ульссон

можно назвать тоненькой нитью, связывавшей ее с остальным шведоязычным миром (как литературным, так и социальным) после революции.

Парланд, родившись в Выборге, городе исторически космополитичном, казалось, имел все шансы стать финном. Но сильные националистические тенденции Финляндии того времени практически отрицали все нефинское. Сменив школу на шведоязычную, он попал в среду двойного меньшинства: его воспринимали как русского, финляндские шведы также находились под прессингом. Может быть, еще и поэтому он начал свой творческий путь в среде модернистов, являвшихся меньшинством в литературном процессе. «Ты не финн, и поэтому мало надежды на удачу в карьере», — откровенно писал сыну Освальд Парланд в 1929 г., подчеркивая его социальную (и культурную?) изоляцию. Вынужденный переезд Генри в литовский Каунас (по настоянию родителей — для отдаления от богемных кругов финской столицы) представляется еще одним эпизодом, иллюстрирующим данный тезис.

Исходя из указанного выше, главным критерием принадлежности рассматриваемых авторов к этническому меньшинству представляется шведский язык. Родной для Сёдергран и приобретенный в четырнадцатилетнем возрасте Парландом — именно язык стал ключевым моментом определения их идентичности. Оба автора *выбирали* язык для выражения своих идей и чувств; язык, допускающий бóльшую спонтанность и возможность, как им казалось, писать на *иные* темы — непривычные обывателю. Культурная изолированность и чуждая языковая среда, окружавшая обоих авторов, лишь помогала им при погружении в творчество, преодолении привычных литературных канонов. Следствием этого стало расширение языкового пространства, приведшее к преодолению изолированности: вырвавшись из замкнутости этнолингвистического архипелага, они оказались в шведоязычном культурном поле (исторически связанном со Швецией и регионом Балтийского моря), которое открывало доступ к европейскому литературному процессу.

Со временем данная траектория привела их к русскоязычной литературе, влияние которой изначально было одним из определяющих в творчестве обоих авторов. Круг замкнулся, но вопрос принадлежности к определенной национальной литературе остался открытым. Ограничивается ли значимость их творчества рамками финской шведоязычной литературы или же Сёдергран и Парланд находятся на другом уровне, являясь представителями (одними из первых) многонационального или транснационального литературного процесса?

В этом контексте нужно обязательно упомянуть о ситуации языковой неуверенности, в которой находились финляндские шведы (в том числе оба рассматриваемых автора) в условиях соотнесения своего родного языка с другими — доминирующими. Поэтому не случайно именно шведо-язычные финские поэты внесли основной вклад в радикальное обновление скандинавского модернизма¹⁴: новаторское пересмотрение языка, которому угрожали обеднение и маргинализация.

4

Пытаясь ответить на поставленный в заглавии вопрос, хочется сперва отметить, что национальными финляндскими авторами и Э. Сёдергран, и Г. Парланд безусловно являются. Кроме того, Сёдергран также считают национальным шведским поэтом, и оба автора могут быть признаны «своими» и в России, что указывает на возможную их транснациональность.

Если рассматривать вопрос шире — вне творчества отдельных авторов, хочется отметить, что литература меньшинства не является ограниченной (в плане смысла и значимости) рамками породившей ее группы¹⁵. Это подтверждают процессы поиска оптимальных границ современных национальных литератур на фоне мультикультурных коммуникаций. Необходимо учитывать еще и то, что границы между различными культурами сейчас охраняются не менее тщательно, чем в начале XX в. — на фоне последствий революций и Первой мировой войны.

Современная литература меньшинства находится в достаточно специфической ситуации: тексты, создаваемые ее представителями, зачастую затрудняют доступ внутрь себя в стремлении соблюсти культурную дистанцию, а все процессы по усвоению изначально чуждых ей явлений происходит намного медленнее, чем в литературе большинства. Это можно объяснить опасностью, которую представляет для нее культура большинства. Но произведения Сёдергран и Парланда сумели преодолеть эти условные границы, ориентируясь на европейский литературный процесс: здесь уместно вспомнить увлечение Сёдергран немецкой и русской литературой, Парланда — русской литературой, творчеством Кафки и Пруста.

Неудивительно, что противопоставление двух крайностей — «я» и «остальной мир» — стало основополагающим в творчестве рассматриваемых авторов. Используя эту дихотомию, спровоцированную в том числе внешней социальной изолированностью, можно рассматривать на примере их творчества диалог «своего» и «чужого» в несколько ином свете:

пространственной, временной, ценностной и смысловой вневходимости автора. Бахтинская идея *вневходимости*, определяемая здесь как состояние неполного присутствия (в нашем случае вне общественного большинства) и состояние вне пределов локализации (вдали от современного авторам финляндского литературного процесса)¹⁶, наглядно иллюстрирует указанный диалог в случае обоих авторов и показывает его актуальность в контексте взаимодействия автора и *наднационального* литературного поля.

Тем не менее, однозначного ответа на вопрос, поставленный в заглавии, дать невозможно. Транснациональность подразумевает минимальную зависимость от всех проявлений национального, что в случае указанных авторов не является вполне верным. Многонациональность опирается на несколько культурных составляющих, каждая из которых не является в значительной мере доминирующей. Однако, как показано выше, оба автора в той или иной степени отождествляли себя с Финляндией, а принадлежность их финской шведоязычной литературе сегодня не вызывает сомнений (с небольшой ремаркой о шведской литературной составляющей Сёдергран, что является следствием языковой корреляции двух стран).

Именно поэтому творчество Э. Сёдергран и Г. Парланда лучше всего назвать примером сложного единства культур вне рамок национальности или языка (напрямую не связанных с ареалом наций, но активно опирающихся на их границы), отражающего пограничность (не ограниченность!) культурного акта и его постоянную корреляцию с разнородными культурными импульсами¹⁷.

Представляется, что это является одной из причин неутраченного интереса к произведениям обоих авторов (кроме, конечно, их литературной ценности): они отражают процессы поиска оптимальных границ современных национальных литератур на фоне мультикультурных коммуникаций, в оценке которого у социологов, культурологов, историков преобладают тревожные тона.

* * *

¹ Востров А. Финляндско-шведский модернизм // *LiteraruS*. 2015. № 1. С. 40–41.

² Востров А. Эдит Сёдергран и Генри Парланд // *LiteraruS*. 2016. № 3. С. 68.

³ Ныне поселок Рошино в окрестностях Петербурга. В 1809–1917 гг. эти земли входили в состав Великого княжества Финляндского Российской империи, а в 1917–1940 гг. — в состав независимой Финляндии.

⁴ Дудин М.Э. Сёдергран // Эдит Сёдергран. Возвращение домой. Л.: Детская литература, 1991. С. 10.

⁵ Подробнее о двойственности см.: *Белякова Н.* Эдит Сёдергран в Петербурге // Первые скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 241.

⁶ Финляндский шведский язык — разновидность шведского языка, литературная форма которого очень близка к «истинному» шведскому.

⁷ *Дудин М.* Указ. соч. С. 10.

⁸ *Белякова Н.* Эдит Сёдергран в Петербурге // Первые скандинавские чтения. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 243.

⁹ *Edith Södergran // Finlands svenska litteratur 1900–2012.* Helsingfors: SLS, 2014. S. 108–109.

¹⁰ Его дальний предок Джон Парланд преподавал английский язык в семье Павла I, а дед Альфред Парланд был известным архитектором и руководил стройкой храма Спаса на Крови. Его дядя, брат Марии Парланд, известный философ Василий (Вильгельм) Сеземан, преподавал в университете в столичном в тот момент литовском Ковно (Каунасе).

¹¹ *Henry Parland // Finlands svenska litteratur 1900–2012.* Helsingfors: SLS, 2014. S. 215–216.

¹² «Удивительно: незавершенный роман двадцатилетнего писателя, созданный в 1930 г., современные критики называют ныне самым лучшим и значительным произведением шведскоязычной литературы Финляндии XX века...» (*Мязотс О.* Большое видится на расстоянии... // Дружба народов. 2008. № 6).

¹³ *Allardt E., Starck Ch.* Språkgränser och samhällsstruktur. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1981. S. 42.

¹⁴ Подробнее см.: *Рахикайнен А.* Дочь города: Эдит Сёдергран — рожденная в Санкт-Петербурге // Размышляющий пейзаж: русская Финляндия и финский Петербург. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. С. 180–181.

¹⁵ *Высоцкая Н.* Транскультура или культура в трансе? // Вопросы литературы. 2004. № 2.

¹⁶ *Ушакин С.* Вне находимости: Бахтин как чужое свое // НЛО. 2006. № 79. С. 76.

¹⁷ *Востров А.* Зинаида Линден: на грани культур // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 341.